

ББК 60.563.01

Л.В. Никонов

Универсальные моральные правила в структуре либеральной теории

L.V. Nikonov

Universal Moral Rules in the Structure of Liberal Theory

Рассматриваются принципы либерализма, которые могут быть универсальными. К ним относятся запрет на агрессивное насилие, принцип самопринадлежности и справедливость, основанная на титулах собственности.

Ключевые слова: мораль, естественное право, либерализм, право собственности, либертарианство, справедливость, самопринадлежность, принцип ненасилия.

Современный мир встречается с угрозами конфликтов и кризисов, вызванных произвольными правилами поведения в обществе, которые вырабатываются государством и поддерживаются с помощью силы. Регулирование цен, таможенная политика, налоги, субсидии, преференции и прочее учреждаются ради партикулярных целей и выражают лоббизм отдельных групп. Отсюда берет начало как внутренняя напряженность в определенном обществе, так и противоречия на международном уровне. Отсутствуют «правила игры», которые можно было бы назвать общими, отвечающими мирному сотрудничеству и долговременному планированию в экономической деятельности. Сегодня, в эпоху столкновения культурных кодов, как никогда остро стоит проблема выработки (или, скорее, реконструкции) универсальных и естественных правил, которые позволили бы, говоря словами Ю. Хабермаса, «вовлечь другого» в единую рамку взаимодействия [1, с. 48].

Одним из немногих общественных движений, сохраняющих верность универсальным моральным принципам, остается либерализм. Либеральная теория опирается на идею свободы, которая провозглашает абсолютную моральную ценность личности. При этом, как отмечает Д. Дёринг, «свобода, подразумеваемая либерализмом, носит универсальный характер. Она не признает инструментализацию человека и его подчинение каким-либо внешним целям» [2, с. 13].

С одной стороны, свобода ценна сама по себе и требует уважения *вне зависимости от обстоятельств*. Либерал не станет «допускать никаких уступок соображениям целесообразности, даже в тех случаях, когда невозможно показать, что следствием уступки, помимо заведомо известных полезных результатов,

The principles of liberalism that are likely to be universal are examined in the article, they are: the non-aggression principle, the principle of self-ownership, and the justice based on titles of property.

Key words: morality, natural law, liberalism, property right, libertarianism, justice, self-ownership, non-aggression principle.

будут какие бы то ни было вредные последствия» [3, с. 79].

С другой стороны, правило неприкосновенности индивидуальной свободы *распространяется на всех людей*, поскольку уважение к свободе предполагает не только признание собственной свободы, но и свободы других. Как писал известный либертарианский философ Р. Нозик, «в моральном плане ни одна жизнь не перевешивает другие... Нет оправданий, позволяющих пожертвовать одним человеком ради других» [4, с. 57]. Невозможно без противоречия утверждать, будто только один или немногие достойны свободы; если я признаю существование других людей и связываю свой статус человека со свободой, то я не могу отказать в этом всем остальным, за которыми я признал аналогичный статус; в противном случае я либо должен считать несвободным и себя, либо скатиться в солипсизм (который противоречит опыту). На деле там, где свободны немногие, не свободен никто, и любой может лишиться своих привилегий и собственности, поскольку здесь утерян универсальный принцип свободы. Свобода, если она вообще возможна как моральное правило, должна быть только универсальной.

Разумеется, либерализм, опирающийся на идею всеобщей свободы, является многомерным феноменом, заключающим в себе очень разнородные пласты идей и практик. Многие отечественные и зарубежные авторы отмечают его чрезвычайную сложность, затрудняющую процессы определения и идентификации [5, с. 46; 6, с. 49; 7, с. 9]. Однако несомненно то, что, помимо политического, экономического и метафизического аспектов, либерализм имеет также моральное измерение. И здесь фундаментальное значение имеют именно универсальные правила, которые служат

своего рода несущими конструкциями для всего здания либеральной теории, а также практическими принципами для либеральной политики.

Моральное правило может называться универсальным, если оно: (1) применимо ко всем возможным объектам, ситуациям и (2) признается и исполнимо со стороны всех возможных моральных субъектов. В этом смысле оно будет моральным законом, т.е. общим безусловным правилом. И. Кант первым обнаружил эти признаки морального закона и вывел их в своих двух знаменитых формулировках. Первая очерчивает закон как требование универсальной применимости: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [8, с. 83]. Вторая формулировка кантианского категорического императива устанавливает, что закон равно приемлем для всех: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [8, с. 90]. Те правила, которые проходят проверку на универсализацию с этих двух точек зрения, могут считаться всеобщими, подлинными моральными законами.

Универсализм моральных правил, конечно, не следует понимать так, что с определенной нормой *актуально* согласны все (а также и поколения людей, живших до нас и еще будущих жить). Универсальность, как поясняет А.А. Гусейнов, задается в согласительном наклонении, «как если бы» все могли действительно согласиться [9, с. 4]. Подобно тому, как решения квадратичных уравнений остаются истинными для всех, вне зависимости от того, решает ли действительно их кто-нибудь здесь и сейчас, моральные правила могут быть приемлемыми для всех мыслящих существ, даже если часть из них (или все) выражают несогласие, предпочитая партикулярные правила. Аналогичным образом для прохождения процедуры универсализации не обязательно, чтобы претендующие на всеобщность моральные правила где-либо реально выполнялись. Правильное остается правильным, даже если все ошибаются. А некоторые принципы являются универсально применимыми и в случае, когда люди действуют в зависимости от обстоятельств множества ситуаций. В целом необходимо помнить, что универсальные моральные правила – это идеалы, функция которых состоит в том, что к ним надо стремиться, а не технические задания, реально выполняемые во всех деталях.

Итак, в рамках либеральной теории выделяется ряд концептов, которые, на наш взгляд, могут пройти тест на универсальность. Это (1) *запрет на агрессивное насилие* (инициацию насилия) или так называемое «либертарианское ограничение», (2) *принцип самопринадлежности* (self-ownership) и (3) следующая из

него *теория справедливости, основанная на неприкосновенности прав собственности*.

1. Как убедительно доказывает А.А. Гусейнов в статье «Об идее абсолютной морали», универсальной на практике может быть лишь норма, сформулированная *отрицательно*, в виде запрета [10, с. 9]. Мы не можем быть едиными в том, что мы делаем, но абсолютно все люди могут быть едины в том, чего они не делают. То есть именно форма запрета гарантирует применимость в неограниченном количестве случаев.

Однако остается еще выяснить содержание запрета. И здесь необходимо учитывать критерий потенциального признания со стороны всех моральных субъектов. Универсальным будет такой запрет, который могли бы одобрить все мыслящие существа. Если учитывать реальное многообразие моральных субъектов, их целей и мотивов, то, очевидно, единственное, что пожелали бы запретить безоговорочно все – это применение по отношению к ним силы, которая способна препятствовать их личным стремлениям, каковы бы они ни были. При этом всеобщим не может стать запрет насилия, распространяющийся лишь на некоторых, поскольку исключенные из такого привилегированного меньшинства потенциально никогда бы на это не согласились. Поэтому универсален лишь принципиальный запрет насилия, т.е. требование предохранить от нападения свободу и права всех людей.

В современном направлении либеральной теории – либертарианстве – этот запрет называется «*либертарианским ограничением*» (в терминологии Р. Нозика) или «*non-aggression principle*» (например, у М. Ротбарда). Он состоит в том, что абсолютно недопустимым с точки зрения морали считается *иницирование* насилия, т.е. покушение на чужие права. По словам М. Ротбарда, «человек, который захватывает собственность другого, живет в глубоком противоречии со своей человеческой природой. Дело в том, что, как мы видели, человек может жить и процветать только с помощью производства и обмена продуктами. С другой стороны, агрессор является вовсе не производителем, а хищником, он живет, паразитируя на труде и продукции других» [11, с. 50]. Агрессия также оказывается преступлением с точки зрения права и должна быть пресечена с помощью встречного насилия. Однако ответ на агрессивное насилие, согласно либертарианству, не противоречит универсальному запрету, поскольку является лишь реституцией прав, восстановлением «status quo», а не инициированием насилия или ограничением чьих-либо прав.

Запрет агрессивного насилия, конечно, не является новейшим изобретением или порождением мысли либертарианцев. Это универсальное правило, стихийно сложившееся многие тысячелетия назад (в виде родовых «табу»), легло в основу достижений цивилизации (а зачатки его можно обнаружить в инстинктуальных механизмах торможения агрессии

к сородичам, свойственных многим животным). Только потому, что люди верят, что нападать и причинять вред – плохо, а работать и обмениваться плодами труда – хорошо, человечество смогло достигнуть современных высот развития. Однако само по себе «либертарианское ограничение» не достаточно ясно без указания того, что конкретно является «агрессией», т.е. без границ «твоего» и «моего». Таким образом, этот универсальный принцип должен быть тесно связан с определенной теорией прав.

2. В философии права либералы уделяют особое внимание правам собственности. Как писал виднейший экономист австрийской школы Л. фон Мизес, «программа либерализма, если ее сжато выразить одним словом, читалась бы так: собственность, т.е. частное владение средствами производства» [12, с. 24]. В рамках либерального подхода все права могут быть сведены к правам собственности. Например, согласно М. Ротбарду, «индивид не имеет “права свободы слова”, право, которое он действительно имеет – это право нанять зал и обращаться к людям, которые пришли в это помещение. Он не имеет права на “свободу печати”, право, которое он действительно имеет – это право написать и опубликовать памфлет, а также продавать этот памфлет тем, кто желает его купить (или раздавать бесплатно тем, кто желает его взять). Таким образом, все, что он имеет в этом случае – это права собственности, включая право добровольного контракта и передачи части или всех этих прав» [11, с. 113–114].

Право, или (чтобы отличить его от искусственных «социальных прав») *титул собственности* (title of property), имеет два хорошо различимых аспекта: (а) *владение* редким благом (свобода использовать его по своему усмотрению) и (б) *признание факта владения* со стороны окружающих и самого собственника (что выражается в определенных действиях или скорее отсутствии действий несобственников по отношению к чужой собственности). Во втором аспекте титулы собственности оказываются правилами поведения в обществе. Они задают рамки сфер свободного действия каждого индивида. Нарушение этих рамок, посягательство на чьи-либо права собственности есть не что иное, как агрессивное насилие, преступление. Уже поэтому принцип неприкосновенности титулов собственности можно рассматривать как универсальное моральное правило.

В рамках либеральной теории развиваются специальные аргументы, обосновывающие безусловный статус титулов собственности – концепцию *естественного права*. Истоки ее восходят к испанской схоластике, памфлетам вождей английской революции, учению С. фон Пуфендорфа и философии Д. Локка [13, с. 60–65]. В своей современной форме она разработана М. Ротбардом и основывается на идее *самопринадлежности* (self-ownership) – законе человеческой при-

роды, согласно которому тело и ум каждого человека принадлежат только ему и никому другому [11, с. 31]. То есть из того неопровержимого факта, что человек, благодаря своей природе, способен к самосознанию и управлению своим телом, делается вывод о том, что он естественным образом связан с титулом собственности на самого себя (как с точки зрения владения, так и с точки зрения признания окружающими).

Именно принцип самопринадлежности способен претендовать на статус универсального морального правила. В самом деле, невозможно отрицать, что жизнь каждого человека принадлежит ему и что порабощение тела и ума есть преступление против морального закона, продиктованного самой природой. В противном случае отрицающий также не признает самопринадлежность и по отношению к себе, а значит, его суждение больше нельзя рассматривать в полном смысле как «его суждение» (с тем же успехом суждение могла произнести машина, или оно вообще могло быть не произнесено). Здесь мы имеем дело с прагматическим противоречием или так называемым «иллюкутивным самоубийством». На деле же все люди прямо или косвенно признают правило самопринадлежности, по крайней мере для себя, а здравый смысл им подсказывает (если они не склоняются к аутизму или философскому солипсизму), что и другие люди принадлежат себе в том же самом смысле.

Таким образом, принцип самопринадлежности, постулирующий ценность каждой личности, универсален, может быть применен в неограниченном количестве моральных ситуаций и разделяется всеми моральными субъектами. Однако его узкая формулировка недостаточна, ведь большинство казусов происходит на почве споров о принадлежности тех или иных внешних объектов, а не человеческого тела или психики. Поэтому настоящие универсальные моральные правила должны оперировать также титулами собственности на материальные блага, отмечая, что «хорошо», а что «плохо» в мире деятельности людей из плоти и крови.

3. Если может быть универсализован лишь запрет на агрессивное насилие, а самопринадлежность размечает пределы, за которыми начинается насилие *в отношении человеческой личности*, то можно предположить, что *в отношении внешних объектов* такую же функцию выполняют обычные права собственности, а неприкосновенность этих прав становится конкретизированным универсальным правилом морали.

С точки зрения либеральной теории, идея самопринадлежности является обоснованием для священного статуса любых прав собственности. Еще Д. Локк высказал мнение о том, что труд и талант (принадлежащие человеку по естественному закону), присоединяясь к природным ресурсам, делают их собственностью того, кто их извлек из естественного

состояния [14, с. 277]. М. Ротбард следует этому же подходу и поясняет, что титул собственности возникает как в случае трудового преобразования материального объекта, так и в ситуации добровольного обмена (титулы собственности переходят от одного человека к другому) [11, с. 34–37].

Права собственности – это древнейший социальный институт, обеспечивший успешное разделение труда, открывший возможности торговли и накопления. Даже самые примитивные народы отлично понимают, что значит «твое» и «мое». Правило неприкосновенности частной собственности универсально в историческом смысле (даже самые жесткие коммунистические режимы не смогли уничтожить «теневую» экономику, основанную на частной собственности). Говоря словами нобелевского лауреата по экономике Ф. Хайека, права собственности являются правилами стихийно возникающего социального порядка, «*nomos*» [3, с. 104–105]. Всякий же «*nomos*» универсален, предназначен для применения в неограниченном числе ситуаций и регулирует отношения людей, независимо от их личных качеств.

На признании титулов собственности основывается целая универсалистская моральная теория справедливости (Д. Бьюкенен, Ф. Хайек, Р. Нозик), суть которой в том, что справедливость есть качество поведения, соответствующего общим правилам [15, с. 175]. И обычно эти самые общие, формальные

правила поведения в обществе сводятся к правам собственности, т.е. определяют «закрытую для вмешательства извне область личных (или организованных групповых) владений» [3, с. 205]. Действительно, то, что могли бы потенциально поддержать все индивиды, – это запрет на вмешательство в их дела, на принудительное лишение собственности. И это правило может использоваться по отношению к любым людям и любым материальным объектам без исключения, не производя логических противоречий и практических нежелательных эффектов (экономические неудачи сопутствуют практикам, в которых титулы собственности, а значит сферы ответственности и мотивация, четко не определены). Везде и всегда справедливо не нарушать чужие права, а несправедливо мошенничать, воровать и убивать.

Тем самым теория справедливости, основанная на титулах собственности, построенная на запрете агрессивного насилия по отношению к любой собственности (в том числе на тело и ум человека), является концептуальной базой для универсальных моральных правил. Их можно формулировать по-разному, но содержание их будет вращаться вокруг одной идеи: личность, ее свобода, ее собственность должны быть, безусловно, неприкосновенны. В структуре либеральной теории этот моральный закон занимает системообразующее положение и раскрывает в ней универсалистскую деонтологическую этику.

Библиографический список

1. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб., 2001.
2. Дёринг Д. Либерализм: размышления о свободе. – М., 2001.
3. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М., 2006.
4. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М., 2008.
5. Дворкин Р. Либерализм // Современный либерализм. – М., 1998.
6. Капустин Б.Г. Что такое либерализм? // Свободная мысль – XXI. – 2004. – №8.
7. Макаренко В.П. Главные идеологии современности. – Ростов н/Д., 2000.
8. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Критика практического разума. – СПб., 2005.
9. Гусейнов А.А. Сослагательное наклонение морали // Вопросы философии. – 2001. – №5.
10. Гусейнов А.А. Об идее абсолютной морали // Вопросы философии. – 2003. – №3.
11. Rothbard M.N. The Ethics of Liberty. – N.Y. ; L., 1998.
12. Мизес Л. фон. Либерализм в классической традиции. – М., 2001.
13. Palmer T.G. Saving Rights Theory from Its Friends // Palmer T.G. Realizing Freedom: Libertarian Theory, History, and Practice. – Washington, 2009.
14. Локк Д. Два трактата о правлении // Локк Д. Сочинения : в 3 т. – М., 1988. – Т. 3.
15. Бреннан Д., Бьюкенен Д. Причина правил. Конституционная политическая экономия. – СПб., 2005.